

Убийство эффектом
накопления

МАРИЯМ МУНБАЙ

Убийство, продуманное до мельчайших деталей, и одна
забытая визитная карточка

МЕТРИКИ ТЩЕСЛАВИЯ

Мариям Мунбай

Метрики тщеславия

«Автор»

2026

Мунбай М.

Метрики тщеславия / М. Мунбай — «Автор», 2026

Фонд Hearts of New York казался эталоном благотворительности: миллионные сборы, светские рауты и грандиозный ежегодный марафон. Но когда его основатель Артур Кросс падает замертво прямо на дистанции, полиция спешит списать трагедию на больное сердце. Все верят красивой картинке, кроме Беатрис ван Дорн. Беатрис — не следователь и не аудитор. Она талантливый маркетолог с безупречным стилем, чашкой остывшего чая и той легкой эксцентричностью, из-за которой мужчины в дорогих костюмах совершают фатальную ошибку — недооценивают её. Пока совет директоров пытается спасти слияние года, а полиция ищет банальные улики, Беатрис открывает свои архивные папки. Идеальное преступление, как и фальшивый бренд, всегда выдают мелочи. Разгадка кроется не в тайных счетах, а в обыденных офисных вещах. Убийца просчитал всё, кроме наблюдательности женщины, умеющей отличать подделку от оригинала. Ироничный и стильный детектив в духе сериала «Эльсбет» для всех, кто ценит тонкую логику и атмосферу Нью-Йорка.

© Мунбай М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мариям Мунбай

Метрики тщеславия

Импактвошинг (Impact Washing) — это недобросовестная маркетинговая стратегия, при которой компания преувеличивает или фальсифицирует свое реальное социальное и экологическое воздействие. Подобно гринвошингу, это делается для привлечения клиентов, инвесторов и завышения ценности бренда, но не подкрепляется реальными бизнес-показателями.
Harvard Business School

Глава 1.

Ноа Харрис, операционный директор фонда Hearts of New York, всегда ненавидел слово «лидер». В современном бизнесе под «лидером» обычно подразумевался нарцисс в безупречно сидящем костюме, который присваивал себе чужой многолетний труд.

СЕО фонда, Артур Кросс, был именно таким. На следующей неделе Артур собирался объявить о слиянии фонда с гигантским фармацевтическим консорциумом. Для прессы это преподнесут как «новый горизонт». Для Ноа это означало конец. Слияние повлечет за собой глубокий независимый аудит, и все подтасованные Артуром отчеты — раздутые цифры спасенных детей, миллионы, ушедшие на политический пиар самого Артура — всплывут наружу. А поскольку всю внутреннюю документацию и финансовые проводки последние семь лет подписывал Ноа, именно его Артур сделал идеальным козлом отпущения. Подставил под удар человека, который буквально построил этот фонд своими руками.

Только Ноа не собирался садиться в тюрьму. Он умел оптимизировать процессы.

Подготовка заняла три месяца. Случайно узнав о скрываемом диагнозе Артура — гипертрофической кардиомиопатии, при которой стенка левого желудочка была опасно утолщена, — Ноа провел собственное исследование. Артур категорически избегал определенных стимуляторов. Но был один препарат, который в сочетании с экстремальным обезвоживанием, жарой и беговой нагрузкой гарантированно превращал сердце с таким диагнозом в разорванную тряпку. Силденафил. Обычная виагра.

Ноа купил на eBay старый термовакuumный упаковщик. С помощью медицинского шприца он аккуратно ввел равномерные, сами по себе не смертельные дозы жидкого силденафила в три тюбика любимого цитрусового геля Артура. Расчет был гроссмейстерским: Артур выпьет их постепенно за четыре с половиной часа марафона. Фатальный сбой ритма произойдет ближе к финишу. Токсикологи найдут вещество, но спишут это на «пикантные секреты» стареющего плейбоя перед забегом. Никто и никогда не сможет установить, в какой именно момент и из какого тюбика препарат попал в организм. Орудие преступления растворится в мусорных баках Центрального парка.

В пять часов утра в раздевалке фонда Ноа завершил подготовку. Он знал привычки шефа как свои собственные: Артур всегда брал на дистанцию ровно восемь гелей, аккуратно сложенных в поясную беговую сумку. Ноа дождался, пока Артур уйдет давать интервью местному телеканалу, открыл его шкафчик, вытащил из сумки три обычных цитрусовых геля и заменил их своими, отравленными. Изъятые «чистые» гели Ноа спокойно переложил в собственный карман — не оставлять же улики в урне.

— Ну что, команда, покажем Нью-Йорку, на что способны наши сердца? — оглушительно хохоча, в раздевалку ворвался Артур Кросс. На нем была фирменная майка фонда, ультрадорогие кроссовки и та самая белозубая улыбка, которая так дорого обходилась спонсорам.

Вместе с ними на старт вышли еще трое членов совета директоров и парочка пиарщиков. Ноа бежал чуть позади Артура, сохраняя ровный темп и мысленно сверяясь с графиком. Погода была душной, асфальт уже дышал жаром. Всё шло идеально.

До тринадцатого километра.

Ноа планировал, что Артур откроет первый гель только на двадцатом. Но амбиции шефа, как всегда, перечеркнули чужие планы. Чтобы покрасоваться перед телекамерами на промежуточной отметке, Артур резко ускорился, сорвал дыхание и заметно побледнел. Его пульсометр на запястье тревожно замигал красным.

Хуже того, Ноа не знал, что Артур, панически боявшийся проиграть, за полчаса до старта принял мощный предтренировочный комплекс со скрытыми стимуляторами, чтобы «попасть в тайминг». Его организм уже работал на пределе, кровь сгущалась.

— Черт, сушит... — прохрипел Артур, тяжело переставляя ноги.

Ноа с ужасом увидел, как Артур на ходу расстегивает поясную сумку, вслепую вытаскивает первый попавшийся гель и жадно выдавливает его в рот. Это был отравленный гель.

Силденафил среагировал с предтренировочным комплексом почти мгновенно, вызвав резкое падение давления, на которое измученное сердце с кардиомиопатией ответило бешеной, хаотичной аритмией. Артур, не понимая, что происходит, решил, что ему просто не хватает углеводов. Через две минуты, спотыкаясь, он вытащил из сумки *второй* гель. И снова отравленный.

— Артур, стой! Перейди на шаг! — крикнул Ноа, но было поздно.

На четырнадцатом километре, прямо напротив трибуны с болельщиками, СЕО фонда Hearts of New York рухнул на асфальт, как подкошенный дуб.

В ту же секунду Ноа включил режим идеального антикризисного менеджера. Времени на панику не было — нужно было создавать хаос.

— Расступитесь! Дайте воздух! — Ноа с размаху упал на колени рядом с хрипящим шефом. Он активно, до хруста в собственных суставах, начал делать Артуру непрямой массаж сердца, крича на бегущих мимо сотрудников: — Вызывайте скорую! Быстрее! Где медики?! Майкл, держи его голову!

Вокруг мгновенно образовалась давящая, паникующая толпа. Члены совета директоров бегали вокруг, пиарщица фонда зашла в истерику. Ноа действовал шумно, размашисто, привлекая к себе максимальное внимание волонтеров. Когда через бесконечные семь минут сквозь толпу пробилась медика с дефибриллятором, Ноа, тяжело дыша, отошел в сторону, картинно закрыв лицо руками.

Артура погрузили в карету скорой помощи. Ноа поехал сопровождающим, продолжая изображать преданного и убитого горем соратника. Но до больницы они не доехали. Сирена смолкла, когда машина скорой стояла в пробке на Бродвее. Врач устало повернулся к Ноа и покачал головой: «Обширный инфаркт. Мы сделали всё, что могли. Физическая нагрузка, скрытая патология... сердце просто не выдержало».

Спустя два часа Ноа стоял на крыльце госпиталя, раздавая первые комментарии журналистам. Его голос дрожал, на глазах блеснули слезы. Он был безупречен.

Но внутри его разрастался ледяной, парализующий ужас.

Вердикт врачей — сердечный приступ. Полиция не подозревала ничего. Но план, который должен был стать изящной математической формулой, превратился в неконтролируемый кошмар. Из-за того, что Артур сломал график и выпил гели раньше, Ноа понятия не имел, *какие именно* тубики тот успел опустошить. Он точно выпил два. Но были ли они оба из отравленной партии? Или один был чистым?

Это означало, что прямо сейчас в личных вещах покойного Артура Кросса — в его беговой сумке, которую санитары упаковали в пластиковый пакет и оставили в камере хранения

больницы — всё еще лежит как минимум один, а возможно, и два геля с виагрой и следами тефлоновой запайки на шве. И если кто-то додумается отправить эти остатки на экспертизу...

Ноа вежливо попрощался с репортерами, повернулся спиной к камерам, и его лицо мгновенно стало жестким. Ему нужно было во что бы то ни стало, любой ценой добраться до этой сумки раньше, чем её передадут родственникам или юристам фонда.

Больничной покой госпиталя Маунт-Синай встретил детективов запахом хлорки и тем специфическим тихим гулом, который повисает в воздухе, когда медики проигрывают схватку за чью-то жизнь.

Детектив Майя Сантоз зашла в приемный покой первой. За ней, переписываясь на ходу с женой по телефону, следовал Тайлер Вэнс — безупречный, как реклама стоматологической клиники, несмотря на то что смена длилась уже двенадцатый час.

— Парень из скорой сказал, что его доставили полчаса назад, — Тайлер говорил на ходу, убирая телефон в карман брюк. — Артур Кросс. Звезда благотворительности. Тот самый, чье лицо на каждом втором автобусе Манхэттена.

— Был звездой, Вэнс, — Майя подошла к стойке, где дежурный фельдшер скорой помощи, уставший мужчина с темными кругами под глазами, заполнял карту вызова. — Детектив Сантоз, полиция Нью-Йорка. Вы привезли Кросса с марафона?

Фельдшер поднял глаза и кивнул.

— Да, мы. Приняли его на четырнадцатом километре. Точнее, выковыривали из толпы. Там был полный хаос: люди бегут, волонтеры орут, какая-то женщина в розовом билась в истерике прямо на асфальте. Сердце встало еще до того, как его погрузили в машину. Мы провели три цикла дефибрилляции, вкололи адреналин — глухо. Асистолия. Он умер в карете, пока мы стояли в глухой пробке на Бродвее.

Из смотрового бокса вышел пожилой кардиолог в помятом зеленом хирургическом костюме. Заметив полицейские значки, он устало потерял дужку очков.

— Детективы? Я доктор Миллер, констатировал смерть. Можете не открывать блокноты. Тут чистая кардиология. Классический случай для марафона в такую душную погоду.

— Никаких следов насилия? На всякий случай спрашиваю, — Майя дотошно заглянула в медицинскую карту.

Доктор Миллер покачал головой.

— Послушайте, Кроссу было сорок восемь. Судя по первичным данным и экспресс-анализам, у него была скрытая гипертрофическая кардиомиопатия. Стенки миокарда утолщены. В его возрасте, с его графиком и при такой жаре... Мужчины в Нью-Йорке вообще забывают, сколько им лет. Все живут как мальчики, будто им до сих пор по двадцать. Думают, если на них кроссовки за тысячу долларов и датчики на запястье, они бессмертны. Бегут ради красивых кадров для соцсетей, выжимают из себя всё ради пиара, а сердце просто говорит «хватит».

— Понимаю, — отозвался Тайлер, сочувственно кивнув. — Сердце не выдержало.

— Именно. Типичный несчастный случай на спортивной дистанции. Я подготовлю официальное заключение и сразу направлю его в ваш участок, — доктор Миллер повернулся к выходу. — Тело переведут в морг, как только его спутник подпишет бумаги. Он ждет в коридоре. Его зовут Ноа Харрис.

Когда детективы подошли к нему, Ноа сидел на пластиковом стуле, сжав руки между коленей. Его фирменная марафонская майка была испачкана в серой пыли Центрального парка. Его лицо было бледным, глаза покраснели от слез, а пальцы слегка подрагивали.

— Мистер Харрис? — Тайлер сделал шаг вперед. — Я детектив Вэнс, это моя напарница, детектив Сантоз. Примите наши соболезнования.

Ноа поднял голову, медленно сфокусировав взгляд на полицейских. Его голос прозвучал глухо и надтреснуто:

— Детективы... Я... я до сих пор не могу поверить. Мы бежали рядом. Всё было хорошо. Он улыбался, махал рукой операторам на отметке. А потом просто... рухнул. Знаете, будто у куклы перерезали ниточки. Я делал ему массаж сердца. Я так кричал, чтобы медики поторопились... Почему они ехали так долго?

— Они сделали всё, что могли, мистер Харрис, — Майя Сантоз внимательно, чисто профессионально осмотрела мужчину. Ничего подозрительного. Обычный офисный топ-менеджер в состоянии глубокого шока. — Врачи говорят, у Артура Кросса были скрытые проблемы с сердцем. Марафон просто довершил дело.

— Скрытые проблемы?.. — Ноа на секунду замер, словно переваривая информацию, и в его глазах промелькнуло мимолетное, почти невидимое облегчение. Вердикт врачей был безупречен. — Он никогда не жаловался. Наоборот, Артур всегда был локомотивом. Он так горел этим проектом слияния... Боже, что теперь будет с фондом?

— Сейчас вам нужно поехать домой и отдохнуть, — продолжила Майя рабочим тоном. — Доктор Миллер пришлет нам документы, мы закроем дело как несчастный случай. Полиция вас больше не потревожит. Вам нужно подписать бумаги у администратора.

— Да... Да, конечно. Спасибо, детективы, — Ноа поднялся со стула, его движения были заторможенными, как у человека, пережившего катастрофу.

Майя и Тайлер развернулись к выходу из госпиталя. У них не было ни единого повода задержаться. Дело было закрыто, даже не успев открыться.

Ноа Харрис проводил их взглядом до стеклянных дверей приемного покоя. Как только силуэты детективов растаяли в полуденном мареве Нью-Йорка, маска скорби мгновенно сползла с его лица. Проводка в его мозгу переключилась в режим экстренного кризис-менеджмента.

Он медленно повернулся в сторону коридора, ведущего к камере хранения личных вещей покойных.

«Врачи уверены, что это приступ. Полиция умывает руки. Всё идеально», — подумал Ноа, чувствуя, как к горлу подступает липкая паника. — «Но Артур выпил гели слишком рано. Сумка. Мне нужна его беговая сумка. Прямо сейчас».

Глава 2.

Нью-Йорк переваривал трагедию на марафоне со скоростью хорошего интернет-соединения. Собственно, самого марафона будто и не было: награждение победителей прошло вжатым в асфальт, скомканным и почти незамеченным. Журналисты ведущих телеканалов, забыв про кенийских бегунов-рекордсменов, толпились у ворот Центрального парка, вещая на фоне траурных баннеров фонда Hearts of New York.

В социальных сетях разверзся привычный филиал ада. Ленты заполонили кардиологи всех мастей с авторитетными лекциями о вреде обезвоживания, а общественность предсказуемо раскололась на два непримиримых лагеря. Одни требовали запретить многотысячные забеги как «легальный суицид», другие доказывали, что движение — это жизнь. В Twitter и вовсе трендился хэштег, запущенный радикальными феминистками, которые всю иронизировали над «кризисом среднего возраста у белых мужчин за сорок, пытающихся доказать свою альфа-природу куску резины на финише».

В убойном отделе полицейского участка, впрочем, царила обычная суета опен-спейса. Пахло дешевой пищей, принтеры выли, как раненые звери, а Тайлер Вэнс меланхолично пытался оттереть пятно от чернил со своего дизайнерского галстука.

Майя Сантоз сидела за своим столом, лениво просматривая рапорт доктора Миллера. Папки на её столе росли с пугающей скоростью, и закрытое дело Артура Кросса должно было отправиться в архив первым же рейсом.

В этот момент её рабочий телефон ожил. Майя вздохнула и сняла трубку.

— Детектив Сантоз.

— Майя, дорогая, — раздался в трубке стремительный, как экспресс до Манхэттена, голос Беатрис ван Дорн. — скажи мне, что это ваш отдел занимается смертью на марафоне? У меня есть вопросы.

Майя слегка отодвинула трубку от уха.

— Привет, Беатрис. Если ты по поводу Кросса, то дело закрыто. Чистая медицина, несчастный случай.

— Несчастный случай? У Артура Кросса? — на том конце провода послышался сухой стук фарфоровой чашки о блюдо. Беатрис явно сидела в своем любимом кафе на Верхнем Ист-Сайде. — Ты шутишь. У этого человека личный бренд был выстроен вокруг концепта «абсолютное здоровье». Он продавал свою безупречную форму спонсорам как главный актив фонда!

— Ну, пиар пиаром, а анатомию не обманешь, — Майя откинулась на спинку стула, наблюдая, как Тайлер окончательно размазал чернила по ткани. — Скрытая кардиомиопатия. Сердце не выдержало нагрузки. Так что криминала ноль.

— Прекрасно. Просто уму непостижимо, — в голосе Беатрис скользнуло вполне осязаемое возмущение. — Час назад мне позвонили из секретариата фонда. Слияние с фармацевтическим консорциумом официально поставлено на паузу. До похорон, как они выразились. И — вишенка на торте — мне сообщили, что в моих услугах маркетолога фонд больше не нуждается.

— Логично, — заметила Майя. — Нет лидера — нет сделки. Зачем им маркетолог?

— Затем, детектив Сантоз, что я уже разработала три стратегии позиционирования этой сделки для прессы и потратила на это две недели своей жизни! — Беатрис явно была уязвлена до глубины своей профессиональной гордости. — И эти милые люди из бухгалтерии намекали, что поскольку контракт не был финализирован подписью Артура, оплачивать уже проделанную работу мне никто не собирается. «Форс-мажор», понимаешь ли.

— Сочувствую, Би, но гражданские споры — это в суд через дорогу, — мягко парировала Майя.

— Дело не только во мне, Майя, — тон Беатрис мгновенно изменился, став деловым и собранным. — Минут двадцать назад мне звонил мой хороший знакомый — управляющий партнер из «Большой четверки». Их аудиторская компания должна была с сегодняшнего дня начать полную проверку всех счетов фонда перед слиянием. И угадай что?

Майя прижала трубку плечом и перевела взгляд с Тайлера на чистый бланк.

— Их тоже уволили?

— Им прислали официальное уведомление, что аудит отменяется из-за «трагических обстоятельств» и переговоры заморожены, — Беатрис многозначительно помолчала, давая Майе время оценить масштаб. — Понимаешь логику? Умер СЕО. Но фонд-то остался. Слияние на сто сорок миллионов долларов — это не покупка пончиков, его не отменяют из-за смерти одного человека, если структура здорова. Наоборот, исполняющий обязанности должен зубами цепляться за аудит, чтобы показать инвесторам: «Мы стабильны, у нас всё прозрачно, покупайте нас». А они просто... захлопнули дверь. И ввели режим тишины.

Майя нахмурилась. Слова Беатрис, переведенные с маркетингового на человеческий, действительно звучали странно. Если компания чиста, аудит — её лучший друг в момент кризиса.

— И кто подписал это уведомление для аудиторов? — спросила Майя, уже механически пододвигая к себе ручку.

— Ноа Харрис, — легко ответила Беатрис. — Их операционный директор. Кажется это он вчера так трогательно плакал перед камерами. Как думаешь, детектив, это просто совпадение или кто-то очень технично воспользовался форс-мажором, чтобы не пустить проверку в свои книги учета?

Глава 3.

Полицейский участок к восьми часам вечера почти полностью обезлюдел. Майя Сантоз, сдав смену, ушла сорок минут назад, честно предупредив напарника, чтобы не звонил без серьезного повода.

Тайлер Вэнс уходить не торопился. Он сидел за своим столом, сияя безупречной белой рубашкой, и периодически поглядывал на часы. Его дед, комиссар полиции Нью-Йорка, застрял на верхнем этаже на бесконечном совещании с мэрией по поводу безопасности марафонских маршрутов. Они договорились поехать на семейный ужин вместе, так что Тайлеру оставалось только ждать.

Экран компьютера мигнул, оповещая о входящем документе из лаборатории судебно-медицинской экспертизы. Автоматическая рассылка. Полный токсикологический отчет Артура Кросса.

Тайлер лениво кликнул на файл, собираясь просто пробежать его глазами перед тем, как закрыть папку. Сердечный приступ, кардиомиопатия — доктора всё уже расписали. Он пролистал стандартные показатели: алкоголь — ноль, тяжелые наркотики — ноль, амфетамины — ноль. Повышенная концентрация кофеина и растительных экстрактов, что абсолютно нормально для спортивного предтренировочного комплекса.

Тайлер уже занес палец над кнопкой «Закрыть», как вдруг его взгляд зацепился за строчку в самом конце приложения к отчету:

Силденафил (Sildenafil) — обнаружено в плазме крови. Концентрация...

Тайлер нахмурился. Он поднял телефон, быстро вбил название в поисковик и уставился на экран. Виагра.

— Seriously, Артур? — негромко пробормотал Тайлер, откидываясь на спинку кресла.

Картинка идеального благотворителя и атлета, которая так тщательно продавалась Нью-Йорку, дала легкую трещину. Стареющий медийный лев, решивший подстраховаться перед марафоном? Или у него было свидание прямо перед стартом? Но доктор Миллер ведь говорил, что у Кросса была серьезная патология сердца. Принимать такое вещество с кардиомиопатией, да еще и перед забегом на сорок два километра — это не просто глупость, это безответственность.

В этот момент на телефон Тайлера пришло сообщение от деда: *«Выхожу на парковку. Жду в машине».*

Тайлер вздохнул, распечатал отчет, аккуратно сложил листы на краю своего стола. Дело не требовало спешки — криминала здесь по-прежнему не просматривалось, скорее, просто пикантная деталь биографии покойного. Он решил, что с этим делать, завтра утром, а сейчас его ждал фирменный стейк любимой бабули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.